

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ: ПОПЫТКИ АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ

*Анатолий Подольский
(Киев)*

Тема, заявленная в названии этой статьи, достаточно сложна и далеко не однозначна для современного украинского общества. По моему мнению, она является частью двух больших проблем сегодняшнего интеллектуального дискурса в среде гуманитарной интеллигенции, да и всего украинского социума. Первая проблема, которая представляется мне фундаментальной, – это мучительный процесс конструирования исторической памяти украинского общества, ее моделей и культуры, создание парадигмы собственной национальной истории и, в нашем случае, место темы Холокоста в этой памяти и в этой истории. Вторая проблема, тесно связанная с первой, – это место еврейского наследия, украинско-еврейских отношений, еврейской культуры в целом в современной концепции украинской истории, историографии, в историческом самосознании украинского общества. Вопрос, который мучительно решает для себя это общество, можно сформулировать так: являются ли еврейские история и культура, которые столетиями существовали и развивались на украинских землях, интегральной частью украинской культуры? «Они жили среди нас» так было сказано об украинском еврействе в одной из немногих публичных интеллектуальных дискуссий об украинско-еврейских отношениях в 19–20 столетиях¹.

В границах этих двух проблем и под грифом непростого вопроса, можно ли рассматривать историю Холокоста, трагическую судьбу украинских евреев в годы нацизма как часть общей истории украинцев и евреев, составную часть истории Украины в период Второй мировой войны, хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты темы, сформулированной

как «Украинское общество и память о Холокосте». Я выделяю три таких аспекта: научно-академический, педагогический, или просветительский, и общественно-политический. Разумеется, эти аспекты довольно часто переплетаются, поскольку они тесно взаимосвязаны, однако имеют и свои специфические особенности. Рассмотрев их в отдельности и во взаимосвязи, можно увидеть данную проблематику в комплексе.

За время, отделяющее нас от начала 1990-х годов, в области исследования истории Холокоста в Украине сделано довольно много. Коренное отличие украинской историографии от советской в том, что эта тематика стала отдельным объектом изучения, начался процесс формирования научной школы истории Холокоста в Украине. Об этом уже неоднократно писалось². Автор данной статьи не ставит перед собой задачи анализировать достижения украинской историографии Холокоста, которая прошла путь от региональных краеведческих исследований и мемуарных произведений до обобщающих работ по различным аспектам, публикации фундаментальных собраний документов³ и защиты диссертационных исследований, которых пока что обидно мало⁴. По оценке одного из ведущих либеральных украинских историков, текущее десятилетие для украинской исторической науки должно пройти под знаком изучения украинско-еврейских отношений в годы нацистской оккупации⁵. Украинская историография Холокоста действительно состоялась и продолжает, пусть не без трудностей, формироваться и развиваться. Серьезным фактором, говорящим в пользу данного тезиса, является увеличение индекса ссылок на публикации и научные издания, которые выходят в Украине⁶.

Задача настоящей статьи – попытаться проанализировать, насколько эти исследования повлияли в целом на историческую науку Украины, на отношение к теме Холокоста в государстве и обществе. Здесь мы вынуждены констатировать простой и в то же время удивительный факт: труды украинских историков, связанные с проблематикой Холокоста, остаются почти незамеченными официальной наукой на родине и в определенной мере занимают маргинальное место в отечественной историографии, хотя и привлекают внимание наших западных коллег, занимающихся изучением истории Холокоста на украинских землях⁷.

Упорное замалчивание исследований в этой области становится, на мой взгляд, все более последовательным и даже агрессивным. В 2003–2004 годах были изданы академические работы по новейшей истории Украины и университетские учебники по историографии, где все ограничивалось упоминанием о Бабьем Яре и число жертв выстраивалось

в следующем порядке: украинцы, русские, евреи... А в историографических обзорах для исторических факультетов университетов попросту игнорировались монографии и публикации по тематике, связанной с геноцидом украинского еврейства в период нацистской оккупации⁸. В последние два года это отношение к еврейским жертвам Второй мировой войны в Украине и вообще к судьбе других национальных меньшинств в этот период осталось на таком же уровне или игнорируется вовсе со стороны официальной историографии. Особенно поражает последнее академическое издание Института истории и Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины, посвященное политической истории Украины 20 – начала 21 века⁹. Громадный фолиант (более тысячи страниц), созданный коллективом известных и авторитетных украинских историков, посвящен основным событиям истории страны за последние сто лет. Одна из центральных частей этой фундаментальной монографии, состоящей из четырех разделов, посвящена событиям Второй мировой войны на территории Украины. О судьбе украинских евреев в период нацистской оккупации в этой части исследования мы не найдем ни единого упоминания. От отрывочных упоминаний в академических изданиях пятилетней давности до фактически полного исключения проблематики Холокоста из публикаций последних двух лет – таково «развитие» отношения к Holocaust Studies со стороны авторов однотомных и многотомных академических изданий по истории Украины 20 столетия.

Подобные издания фактически представляют концепцию монокультурного или даже моноэтнического исторического развития Украины, хотя прекрасно известно, что в украинской исторической науке развивается поликультурный подход к украинской истории и культуре¹⁰, в концепте которого интегральной частью украинской истории воспринимается история национальных меньшинств, в том числе и евреев. Именно такой подход доминирует сегодня в европейской историографии и широко представлен на постсоциалистическом пространстве. Сложно понять причины и мотивацию авторов огромного исследования политической истории Украины, а также многих университетских учебников, которые настойчиво не хотят видеть еврейский профиль, как, кстати говоря, и другие, в украинской истории. Десять лет назад писали об остаточном влиянии постсоветских стереотипов в историографии, о существовавшем в советские времена табу на изучение иудаики и т. п. Теперь же объяснить подобным образом монокультурный и моноэтнический подход к истории Украины по меньшей мере несерьезно. Здесь, по моему мнению,

ведущую роль играют другие факторы – такие, как непонимание или нежелание видеть и представлять национальную историю как многокультурную, да еще и с еврейской составляющей. В этом прослеживается тенденция исключения образа «другого» из собственной истории. В образе «другого» по определению видится только «чужой». Видимо, многим историкам комфортнее и проще говорить «о нас» и «о них», например «о нашем Голодоморе» и «об их Холокосте»¹¹. Тем самым постепенно формируется определенная модель исторической памяти, где Холокост не имеет какой бы то ни было связи с национальной историей. Таким образом, украинский контекст Холокоста остается в целом неизвестен обществу и, что особенно важно, неизвестен и непонятен украинской молодежи¹². В результате подобной политики сохранения памяти о прошлом в обществе формируется представление об истории Холокоста как о событиях, происходивших в Европе, а для Украины это нечто чужое. Практически игнорируются многочисленные исследования западной, да и украинской историографии, в которых указывается общеизвестный и абсолютно неоспариваемый факт, что первоочередными жертвами немецкой оккупации на украинских землях, как и на других территориях Европы, были евреи¹³. Более того, в последнее время некоторые украинские историки стали экстраполировать термин «Холокост» на события, связанные с Голодомором 1932–1933 годов в Украине. Использование словосочетания «украинский Холокост» применительно к Голодомору не только не способствует формированию объективной исторической памяти о прошлом, но и ведет к прямой фальсификации истории (о дискуссии по поводу странного термина «украинский Холокост» речь пойдет ниже, когда будет обсуждаться общественно-политический аспект проблемы). Отодвигая на задний план то обстоятельство, что жертвами Холокоста были именно евреи, украинская политика в определенной мере продолжает советскую культуру памяти о жертвах Второй мировой войны¹⁴.

Однако, как я уже отмечал, место Холокоста в исторической памяти украинского общества не ограничивается тенденцией полного или частичного замалчивания или представления этой трагедии как чужой, не входящей в нарратив национальной истории. Такого рода тенденция (или стратегия) является частным случаем монокультурного подхода к истории Украины в целом. Другая тенденция, если мы говорим о научном аспекте формирования памяти о Холокосте в украинском обществе, развивается в рамках поликультурного подхода к истории Украины, который рассматривает события Холокоста на украинских землях как

интегральную часть истории Украины времен Второй мировой войны и 20 столетия в целом. Такая тенденция представлена трудами украинских историков в Украине и диаспоре, а также наших западных коллег, специализирующихся на проблемах истории войны в Украине и, в частности, на украинском контексте истории Холокоста¹⁵. Этот подход, в отличие от «монокультурного», в большей степени поддерживается либеральными историками, некоторыми независимыми гуманитарными периодическими изданиями, а также общественными научными и образовательными организациями¹⁶, и совершенно недостаточно или вовсе не поддерживается многими государственными структурами и институциями. В подобной ситуации можно считать риторическим вопрос о превалировании и влиянии на украинское общество одной из этих тенденций или подходов. Господствующую позицию занимает тенденция вытеснения памяти о Холокосте как о части украинской истории¹⁷.

Научный аспект такого подхода значительной части современной украинской историографии к рассматриваемой проблематике тесно связан с политическим аспектом сохранения в украинском социуме памяти о Холокосте, которая, несомненно, оказывает влияние на преподавание этой темы в современной Украине. (В качестве одного из вариантов объяснения сложившейся ситуации можно указать подчиненную роль научных исследований, выполняющих или обслуживающих определенный политический заказ, характерный для тоталитарных и посттоталитарных, посткоммунистических обществ.)

Педагогический аспект анализируемой проблематики является, на мой взгляд, не менее важным, чем научные штудии по истории Холокоста. Именно посредством взвешенного и осмысленного преподавания этой темы мы имеем шанс передать и сохранить для будущих поколений память о судьбе украинского еврейства.

Вначале представляется уместным кратко рассмотреть генезис и развитие преподавания темы Холокоста в Украине. Есть две стороны вопроса: формальное и неформальное образование. Разумеется, они взаимосвязаны. В области формального образования эта тема начиная со второй половины 1990-х годов официально фигурирует в базовом курсе школьной программы по истории Украины и всемирной истории. Правда, в учебном времени теме Холокоста не было отведено ни одного полноценного урока: она включалась в рамки темы «Нацистский оккупационный режим», на которую по программе отводится всего один час. В 2000 году Министерство образования и науки Украины приняло решение рекомендовать университетам ввести спецкурс по истории Холокоста

в Европе и на землях Украины. Этот факт, очевидно, был связан с состоявшейся в январе 2000 года Международной конференцией в Стокгольме, где Украина присоединилась к Декларации о сохранении памяти о Холокосте в современном мире путем исследования и преподавания этой темы. С 2006 года в экзаменационных билетах выпускных классов средних общеобразовательных школ появились вопросы по истории Холокоста. Таким образом, с формальной точки зрения государство в лице Министерства образования и науки Украины полностью легитимировало преподавание темы Холокоста, которое было не просто разрешено, но и включено во все официальные учебные курсы. К сожалению, реальная возможность преподавать историю Холокоста в рамках формального среднего образования (то есть в школах) в Украине сегодня фактически отсутствует. Каким-то удивительным образом продолжается советская традиция умолчания об истории Холокоста на украинской земле. Если в советских учебниках вообще не говорилось об уничтожении евреев, то в большинстве новых украинских учебников, которые являются обязательными согласно грифам Министерства образования и науки, упоминания о Холокосте никак не связаны с национальной историей¹⁸.

Тут действуют два обстоятельства. Первое: в программе по истории есть упоминание о Холокосте, но нет учебных часов на изучение данной темы. И второе: в основных действующих учебниках нет сколько-нибудь последовательно изложенной информации об истории Холокоста, «встроенной» в курс национальной истории и дающей представление о Холокосте как интегральной части истории Украины 20 века.

Существующая сегодня программа фактически требует только упомянуть о Холокосте, и рядовой учитель истории может тем и ограничиться. Таким образом, Холокост предстает чем-то оторванным от истории Украины¹⁹. Юрий Комаров, учитель-методист из Киева, рецензент учебной литературы по истории, подготовил специальное исследование по сравнению представления темы Холокоста в учебниках Украины, Германии и Великобритании. При формальном подходе, пишет он, если мы спросим учеников, имеет ли Бабий Яр отношение к Холокосту, то, скорее всего, услышим отрицательный ответ²⁰. Профессор Елена Иванова из Харькова, изучавшая проблему восприятия Холокоста украинскими школьниками, пришла к выводу, что для них «еврейский Холокост остается очень абстрактным и чужим событием, которое не имеет никакого отношения к национальной памяти»²¹.

Но есть вторая сторона педагогического аспекта формирования в украинском обществе памяти о Холокосте. Это неформальное образование,

которое за десять с лишним лет достигло ощутимых результатов и в последние два года стало оказывать заметное влияние на осознание украинским обществом или, во всяком случае, некоторой его частью (школьной, студенческой, учительской и даже научной) ответственности за память об этой истории. Е. Иванова пишет в своем исследовании, что при отсутствии внятного формального образования по этой теме особую важность приобретает возможность получения альтернативной информации об украинском контексте Холокоста из других источников. Такую информацию учителя получают, участвуя в различных видах неформального образования, связанного с преподаванием истории Холокоста в постсоветской Украине.

Неформальное образование по теме Холокоста осуществляется в основном благодаря деятельности негосударственных научных и образовательных организаций²². За последние десять лет им удалось фактически без поддержки со стороны государственных структур создать определенную систему преподавания истории Холокоста, которая постепенно стала влиять на формальное образование. Национальные еврейские, а также профессиональные академические и педагогические неправительственные организации (НПО) проводят многочисленные учебно-методические семинары для школьных и университетских преподавателей, издают научную и учебную литературу, инициируют школьные и студенческие конкурсы творческих работ, летние школы, стажировки в мировых центрах изучения темы Холокоста.

Преподаватели, принимавшие участие в таких проектах НПО, в дальнейшем, как правило, используют в своей формальной «урочной» работе разнообразные материалы, далеко выходящие за рамки официальной программы и учебников. Ю. Комаров в своем исследовании отмечает: «...Возможности деятельности учителя по изучению темы Холокоста в рамках действующих программ и существующих учебников очень ограничены, если пользоваться исключительно программой и учебниками (а это норма для подавляющего большинства учителей). В то же время учитель, который хочет действительно изучать тему Холокоста, не имеет официальных преград. Существует ряд проблем: учебные материалы, распределение учебного времени и другие. Эти проблемы, конечно, можно преодолеть – используя хотя бы материалы Украинского центра изучения истории Холокоста, многочисленные материалы из сети Интернет. Но для этого необходимо, во-первых, желание учителя, во-вторых – возможности. А они, особенно в «глубинке», не такие уж и большие»²³.

Пытаясь кратко определить отношение государства к этой теме, я могу констатировать, что, в отличие от советского времени, уже нет табу на преподавание истории Холокоста, но и государственной политики, которая создавала бы условия для ее изучения, также нет. Успехи в области сохранения памяти о Холокосте как части своей истории путем преподавания, достигнутые Украиной за последнее десятилетие, в абсолютном большинстве случаев являются результатом деятельности общественных негосударственных научных, образовательных и просветительских организаций, которые строят свою педагогическую работу как проекты, направленные на изучение истории Холокоста и преподавание межэтнической толерантности в Украине, при финансовой поддержке зарубежных фондов и организаций.

Европейский подход к изучению истории Холокоста базируется на тезисе о том, что эта тема носит, прежде всего, общечеловеческий характер. В современном мире принято воспитывать у молодежи межэтническую и межрелигиозную толерантность, неприятие любой формы ксенофобии, дискриминации и расизма именно через изучение истории Холокоста как примера беспрецедентной в истории 20 века межэтнической нетолерантности. Основанные на этой концепции проекты проводят украинские НПО в сотрудничестве, например, с Музеем Анны Франк, голландским правительством, Европейской комиссией по сохранению памяти о Холокосте путем исследования и преподавания (International Task Force), ОБСЕ и др.²⁴ Эти проекты не пользуются в Украине сколько-нибудь серьезным вниманием со стороны государства. Следовательно, и вся ответственность за их результаты лежит на украинских НПО.

И наконец, хотелось бы остановиться на общественно-политическом аспекте формирования памяти о Холокосте. Необходимо отметить, что в определенном смысле и научный, и педагогический компоненты сохранения памяти о судьбе украинского еврейства в годы нацизма и Второй мировой войны являются составными частями политического аспекта рассматриваемой проблемы, так как они в той или иной степени заставляют общество и государство как-то реагировать на проблему. Я постараюсь осветить украинскую политику в сфере памяти о Холокосте, определить, существует ли таковая вообще на осознанном уровне, либо существует лишь некое продолжение советской культуры памяти, которая, как известно, никогда не выделяла еврейские жертвы Второй мировой войны.

Мне хотелось бы обратить внимание на мемориализацию памяти о Холокосте и публичные дискуссии на эту тему.

Государственная политика по сохранению памяти о Холокосте в Украине путем установления памятных знаков в местах массовых расстрелов украинских евреев, по сути, отсутствует. Мне кажется, причина для этого может быть только одна, уже обсуждавшаяся выше: у государства и общества в целом нет понимания того, что Холокост – это часть общей истории Украины, т. е. своей собственной истории. Чаше мы встречаемся со стереотипным убеждением (или предубеждением), что это «их» еврейская история и трагедия, пусть «они» и думают о том, как сохранить свою память. В результате складывается поразительная ситуация, с которой сложно смириться тем, для кого память о прошлом является неизбежным символом сегодняшней и будущей жизни. Например, в Бабьем Яре до сих пор не существует нормального государственного мемориала погибшим. Международный день памяти жертв Холокоста – 27 января – никак не отмечается на государственном уровне, несмотря на то что в 2000 году Украина присоединилась к Стокгольмской декларации. В Украине нет ни одного государственного музея истории Холокоста. Памятные знаки или памятники там, где были гетто или места расстрела, установлены в результате деятельности еврейских общин, общественных организаций и частных лиц²⁵, а также индивидуальных пожертвований почти во всех регионах страны. Но нет гарантий протекции или защиты этих мемориальных мест со стороны государственных властей.

В украинском обществе, за редким исключением, нет сегодня публичных дискуссий о Холокосте как части собственной истории. Зато есть, к огромной печали и сожалению, «соревнование жертв»²⁶, когда «исследователи» подсчитывают умерших в Голодоморе, которых было больше, чем уничтоженных в Холокосте... Некорректно используют применительно к Голодомору термин «украинский Холокост»²⁷, тогда как для мировой историографии это словосочетание означает только одно: тотальный геноцид украинских евреев в период нацистской оккупации Украины. Историк Омер Бартов в своем исследовании, посвященном исчезнувшим еврейским общинам Западной Украины, отмечает, что монументы в местах массовых убийств евреев вытеснены на обочину публичной памяти. После 1991 года в регионе преобладают памятники и музеи героям ОУН и УПА. Публичная визуальная мемориализация жертв украинского народа времен Голодомора и героизация украинских повстанцев времен войны отодвигают на задний план другие «сюжеты» того исторического периода и в первую очередь – Холокост. Иной раз кажется, что над историей евреев военного времени

«надстраивают» национальные памятники, чтобы забыть другую «нацию-жертву»²⁸.

Украинская политика в сфере памяти о Холокосте (или отсутствие таковой политики) затушевывает то обстоятельство, что его жертвами были именно евреи. Немецкий историк Вильфрид Ильге обращает внимание на парадоксальные результаты недостатка информации об украинском контексте Холокоста: следствием молчания является исключение из национального нарратива не только «темных сторон», но и многочисленных примеров того, как самоотверженные украинцы спасали евреев. Таким образом, сосредоточенность украинской историографии на национальном государстве, на моноэтническом образе истории (т. е. презентация истории Украины как истории одних только украинцев, без учета культурного вклада национальных меньшинств) ведет к тому, что молчание или недостаток информации об украинско-еврейских взаимоотношениях в годы немецкой оккупации не позволяет преодолеть предрассудки и стереотипы «украинцев-антисемитов»²⁹.

Какой же выход из тупиков памяти о прошлом, в которых все еще находится украинское общество и страна в целом? Видимо, нам необходимо отказываться от той тоталитарной модели, той культуры памяти, в которой все видится только в черно-белом цвете без каких-либо даже намеков на оттенки. Возможно, нам нужна сейчас открытая, острая дискуссия и сила воли, для того чтобы признать «другого» не «чужим» изначально, а просто «другим». Должно быть, прав уже упоминавшийся В. Ильге, когда пишет о том, что совмещение различного опыта войны (украинского, еврейского, крымскотатарского, польского, советского и др. – А. П.) будет больше способствовать национальной консолидации, чем официальные заявления, предлагающие нам «правдивый» образ истории³⁰. В этом различном опыте таится разделенная память, которая ведет к однозначности, агрессивности и максимальной интолерантности в настоящем и потенциально еще более опасной нетерпимости в обозримом будущем.

Выход – в знании истории, в примирении, в ответственном сравнении, в ответственности вообще. Немецкий историк Гвидо Кнопф³¹ написал, что Холокост был и в немецкой, и в его личной истории, а мы ответственны за свою собственную историю. Но, самое важное, мы ответственны не за прошлое, а за **память о прошлом...**

И сегодня эта ответственность нужна и важна для украинского общества.

Примечания

¹ Эта дискуссия состоялась на страницах передового украинского либерального гуманитарного журнала «Критика» в номерах 4, 5, 9, 10 за 2005 год. Ее участниками были историки Софья Грачева, Ярослав Грицак, Марко Царинник, Иван Химка, Жанна Ковба.

² См., например: Подольський А. Тема Голокосту в сучасній українській історіографії: проблеми наукових досліджень та інтерпретацій / Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – К.: Сфера, 2005. С. 32–34; Подольський А. Дослідження з історії Голокосту в сучасній українській історіографії: нові підходи / Катастрофа і опір українського єврейства: Нариси з історії Голокосту і Опору в Україні. – К.: 1999. С. 26–38.

³ См., например: Попович М. Еврейский геноцид на Украине // Философская и социологическая мысль. 1994. № 4; Грицак Я. Українці в антиєврейських акціях під час Другої світової війни // Часопис «І», Львів, 1996; Хонигсман Я. Катастрофа єврейства Західної України. Львів, 1998; Винокурова Ф. Особенности геноцида евреев на территории Транснистрии // Холокост и современность. 2003–2004. № 4–6; Гон. М. З кривдою на самоті. Українсько-єврейські взаємини на Волині в 1926–1939 роках. Рівне, 2005; Tyaglyy M. Were Chingene Victims of the Holocaust? The Nazi policy in the Crimea towards Roma and Jews: Comparative analysis // Holocaust and Genocide Studies Fall, 2008; Царинник М. Золочів мовчить // Критика. 2005. № 8; Ковба Ж. Людність у безодні пекла. К., 1998; Левитас Ф. Євреї України в роки Другої світової війни. К., 1997; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. / Круглов А., ред. – К.: Институт иудаики, 2002; Тяглый. М. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: Справочник. Симферополь, 2005; Катастрофа і опір українського єврейства: Нариси з історії Голокосту і Опору в Україні. К., 1999.

⁴ Всего за период с 1991 по 2008 год было защищено шесть диссертационных исследований по истории Холокоста в Украине. Их авторы: А. Подольский, Ф. Левитас, Ф. Винокурова, А. Гончаренко, О. Суворцев, Н. Сугацкая. Диссертации М. Гона, В. Гриневича, Д. Титаренко также частично касались проблематики истории Холокоста в Украине.

⁵ См.: Грицак Я. Украинская историография: десятилетие перемен // Ab Imperio. 2003. № 3.

⁶ В первую очередь зарубежные исследователи истории Холокоста в Украине ссылаются на сборники документов: Бабий Яр: человек, власть, история: Документы и материалы. Т. 1. / Общественный комитет по увековечению памяти жертв Бабьего Яра и др. Ред.-сост. Нахманович В. – К.: Внешторгиздат, 2004; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. / Круглов А., ред. – К.: Институт иудаики, 2002; и др.

⁷ Здесь прежде всего необходимо назвать голландского историка Карла Беркхоффа, немецкого историка Дитера Поля, американского историка Омера Бартова, канадских историков Петра Потичного, Говарда Астера, Марка Царинника, Джона Химку, американских историков Александра Прусина, Мартина Дина, Венди Лауер, немецкого историка Вильфрида Ильге и др.

⁸ Например, см. соответствующий раздел: Калакура Я. Українська історіографія. К., 2004; Політична історія України 20 століття, т. 4. Україна в роки Другої світової війни (1939–1945) / Керівник тому Кучер В. // К., 2003;

⁹ Україна: політична історія 20 – початок 21 століття / Редада: В. М. Литвин (голова) та ін. Редкол.: В. А. Смолій, Ю. А. Левенець (співголови) та ін. – К.: Парламентське вид-во, 2007.

¹⁰ Например, университетские учебники по истории Украины Ярослава Грицака и Натальи Яковенко.

¹¹ Например, 19 июня 2008 года в Киеве, в Украинском доме состоялась публичная презентация перевода на украинский язык книги известного французского ученого Алена Безансона «Лихо століття. Про комунізм, нацизм та унікальність Голокосту». Известный украинский ученый-историк, профессор Юрий Шаповал во время своего выступления сказал, что очень важно донести знания про наш украинский Холокост (имея в виду трагедию Голodomора) до европейской общественности.

¹² Їльге В. Змагання жертв. // Критика. 2006. № 5.

¹³ См., например: Pohl D. Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens – München: Oldenbourg, 1997. S. 453.

¹⁴ Їльге В. Указ. соч.

¹⁵ Barkan E., Cole E., Struve K. (eds.) Shared History-Divided Memory. Jews & others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941. Leipziger Universitätsverlag GmbH, 2007; Ray Brandon R., Lower W. (eds.) The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Indiana University Press, 2003.

¹⁶ Здесь можно прежде всего назвать журнал «Критика», Комитет «Бабий Яр», Конгресс национальных общин Украины, Украинский центр изучения истории Холокоста, Ассоциация учителей истории «Нова Доба» и др.

¹⁷ Здесь необходимо заметить, что речь идет не об отрицании истории Холокоста или запрещении его изучения, а о вытеснении (или игнорировании) этой темы из нарратива истории Второй мировой войны на территории Украины, из проблематики геноцидов, которые имели место на украинских землях в 20 веке, о рассмотрении темы Холокоста как рамки для украинской истории и о ее включении, также весьма относительном, только в журнал всемирной, европейской истории.

¹⁸ Їльге В. Указ. соч.; Иванова Е. Конструирование коллективной памяти о Холокосте в Украине // Ab Imperio. 2004. № 2; Турченко Ф. Новітня історія України. Частина перша 1917–1945. К. 1994.

¹⁹ См.: О. Иванова Е. Указ. соч. Комаров Ю. Формальні можливості: місце теми Голокосту в навчальних курсах МОН України // Інформаційно-педагогічний Бюлетень Українського центру вивчення історії Голокосту «Уроки Голокосту». 2008. №2 (14).

²⁰ Комаров Ю. Указ. соч.

²¹ Иванова Е. Указ. соч.

²² Здесь можно назвать Комитет «Бабий Яр», Конгресс национальных общин Украины, Украинский центр изучения истории Холокоста, Ассоциацию учителей истории «Нова Доба», центр «Гкума» и др. Многие образовательные мероприятия по теме Холокоста проводятся при поддержке Евроазиатского еврейского конгресса.

²³ Комаров Ю. Указ. соч.

²⁴ International Task Force – Международная группа по сохранению памяти об истории Холокоста путем изучения, преподавания, мемориализации. Создана в 1998 году при содействии Совета Европы.

²⁵ Хотелось бы особо подчеркнуть роль отдельных энтузиастов, которые зачастую опираются только на собственные силы. Упомяну в этом контексте двух коллег, с которыми я был знаком: Бориса Гидалевица, при непосредственном участии которого в Одесской области было установлено более двадцати памятных знаков погибшим евреям Одессы и Транснистрии, и львовского учителя Илью Кабанчика, который самостоятельно установил десятки памятных знаков на территории Галиции, Вольни и Подолии. Эти самоотверженные люди в своей подвижнической деятельности не получали какой бы то ни было помощи от государства, выполняя при этом его прямую задачу.

²⁶ Їльге В. Указ соч.; Дитч Й. Поборюючи «Нюрнберзьку історіографію» Голодомору // Голокост і сучасність: Науковий часопис Українського центру вивчення історії Голокосту. 2008. № 1 (3).

Кульчицький С. Голодомор в Україні й український Голокост // Голокост і сучасність: Науковий часопис Українського центру вивчення історії Голокосту. 2008. № 1 (3).

²⁷ Кульчицький С. Указ. соч.

²⁸ Їльге В. Указ. соч.

²⁹ Там же; Комаров Ю. Указ. соч.

³⁰ Їльге В. Указ. соч.

³¹ Г. Кнопф. Холокост – Харків, 2006.